

С. Порошин

**Записки, служащие к истории
его императорского
высочества великого князя
Павла Петровича**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. Порошин**
Записки, служащие к истории его императорского высочества великого князя
Павла Петровича / С. Порошин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 586 с.

ISBN 978-5-458-01078-8

ISBN 978-5-458-01078-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Videtur ars artium, et scientia scientiarum hominem regere, animal tam varium et multiplex.

S. Gregor. Nazianz.

Въ государствѣ самодержавномъ, воспитаніе Государя есть первый, коренной законъ. Побужденіе пещись о воспитаніи дѣтей — нѣжная, родительская къ нимъ привязанность и желаніе имъ добра, ихъ природная даровитость, невольно вызывающая на образованіе ихъ, милосердіе къ сиротству, долгъ старшаго поколѣнія напутствовать младшему на путяхъ жизни и проч. всѣ эти побужденія, столь сильныя и святыя сами по себѣ, кажутся почти слабыми въ сравненіи съ обязанностию — образовать Государя.

Правда, всё равны въ колыбели, равны и немощью младенчества и удѣломъ младенца въ грядущемъ; грядущее для всѣхъ покрыто неизвѣстностью. Придетъ пора: рожденный въ низкой долѣ вознесется, быть можетъ, выше всѣхъ надъ людьми, будетъ ихъ гевіемъ-благодѣтелемъ и царемъ зиждительной мысли; *можетъ быть*, его вліанію покорятся народы... Но Государю они покорны ужѣ, потому что онъ Государь ихъ, и въ колыбели ихъ будущій Вѣнценосецъ: вотъ различіе. Рука Провидѣнія поставила его на той высотѣ, куда другіе досягаютъ иногда лишь рѣдкимъ счастіемъ и отъѣнными дарованіями: дарованія и заслуги, необходимы имъ для того, чтобъ возвыситься на чреду сію, необходимы Государю для того, чтобъ пребыть на ней до конца съ честію и достоинствомъ. Все должно быть къ тому направлено. Природа и Искусство должны соединиться, да содѣлаютъ его здоровымъ, цѣлымъ и правоправляющимъ. И когда вспомнимъ о величій послѣдствій для всего народа, (какъ знать?) для цѣлаго свѣта, отъ добрыхъ свойствъ и дѣлъ его, отъ благихъ обычаевъ и самыхъ его намѣреній; когда подумаемъ, что власть его паложитъ печать свою и на грядущіе вѣки, обыметъ собою пространства необозримыя, и солнце не зайдетъ въ предѣлахъ его; тогда невольно убѣждаемся въ необходимости все устроить ко благу его и всѣхъ тѣхъ, кто будутъ ему подвластны; словомъ, воспитать его въ страхъ Божию и въ любви къ человѣчеству.

Есть всему свое время: «ловите часъ!» говоритъ Гораций. Всему свой конецъ и начало. Когда и какъ зараждается въ насъ мысль, и страсть, и предубѣжденіе, мы не знаемъ. Но *Augoа Musis amica*. Дѣтство,

молодость — явленія нерукотворенныя въ жизни человека, таинственно-благодатныя, невозвратныя, какъ крылатый мигъ. Начало жизни, — все начинается тогда: нескладный лепетъ, утѣхи и слезы знаменуютъ въ насъ будущія рѣчи наши и дѣла, прообразуютъ въ Государѣ миръ и войну, законы и учрежденія гражданскія, подъ сѣвю которыхъ упокоятся миллионы людей, прольются на землю благословенія, или кровь и горькія слезы...

«Невниманіе твое, Государь,» писалъ Боссюэтъ къ Дошину, «нынѣ причиною того, что ты сбиваешься иногда въ словахъ; но если дадимъ усилиться и засмотрѣть дурной привычкѣ, то со временемъ, когда «будешь властенъ въ дѣлахъ своихъ, ты запутаешь и «дѣла. Ты погрѣшаешь нынѣ противъ условныхъ правъ свилъ языка; тогда преступишь законы самаго разума. «Нынѣ ошибаешься въ размѣщеніи словъ; въ то время нестройны будутъ всѣ начинанія твои: карать будешь тѣхъ, «кого наградить должно, и награждать того, кто достоинъ «казни. Словомъ, ни въ чемъ не будетъ тебѣ благодати, ежели съ дѣтства не приобъикнешь во вниманіи «соблюдать умъ свой, управлять неясными его порывами, и въ самомъ себѣ помышлять о томъ, что «должно сдѣлать или предпринять *).» Такъ важно въ послѣдствіи, для цѣлой жизни, все, что происходитъ въ южномъ возрастѣ! особенно важно въ томъ, чье каждое слово будетъ дѣломъ, а безмолвіе подчасъ приговоромъ. Невниманіе — легкій по-видимому недостатокъ; но въ вождѣ народа можетъ

---

*) ...attendere animum, motus ejus vagos atque incompositos cohibere, rerumque agendarum sedulò tecum ipso inire rationem. (Serenissimo Delphino).

быть виною многихъ золь и страданій незаслуженныхъ. *Раснодушіе* къ нуждѣ и немощи нашихъ ближнихъ, *невниманіе* къ ихъ правамъ, — вотъ что по ббльшей части дѣлаеть насъ несправедливыми въ отношеніи къ нимъ, суровыми, неблагонадежными, а неполненіе обязанностей нашихъ тягостнымъ и постылымъ. О, сколь нагубны будутъ тѣ же свойства въ Государь! когда гласъ совѣсти не позволитъ ему сказать о себѣ: «Я спасалъ убогаго отъ руки сильнаго, и по-могалъ сиротѣ безпомощному. Благословеніе погибающаго текло на меня, и благословеніе вдовицы. Я об-лачался въ правду, правосудіе было мнѣ одеждою. Слѣ-пому я былъ очами, и хромымъ опоромъ. Бѣднымъ— дя былъ отцеиъ, и викалъ въ дѣло человека мнѣ пе-азнакомаго.» (Іовъ XXIX, 12—16).

Такимъ образомъ, нравственное единство лица, отъ колыбели до могилы, не подлежитъ сомнѣнію, и сѣянна добра и зла, вначалѣ едва замѣтныя, растутъ въ насъ вѣствѣ съ нами, и прирѣсаятъ плодъ въ свое время, когда все, что было слабымъ, безотчетнымъ дви-женіемъ души, является въ осязаемыхъ формахъ внѣшности. Самыя игры дѣтства обличаютъ нравъ, и пе-реходять позже въ дѣйствительность. Нужно-ли дока-зывать это? Вы знаете край, читатель, гдѣ ратныя силы безъ числа изумляютъ свѣтъ не только множе-ствомъ, но и строемъ неподражаемымъ, дѣлами храбрости исторической; неодолимая твердыня высится тамъ на широко-раздвинутыхъ коицахъ державы; боевые снаря-ды, въ страшномъ количествѣ, сулятъ гибель дерзно-венію; тамъ сильныя флоты пѣпятъ волны юга и сѣ-вера: все дышитъ мощію и грозомъ. Чтò-жъ, было время, — вы сами знаете, и — недавно, когда все это

заключалось въ сотнѣ потышныхъ, да въ изломанной лодкѣ; а еще прежде и того не было: была лишь игривая мечта въ душѣ семилѣтняго отрока.

Если же все сказанное нами справедливо, если таково вліяніе дѣтства на будущее, то здравый смыслъ велитъ, для блага общаго, — быть на стражѣ первыхъ впечатлѣній юнаго Государя, управлять ими исподволь, наводить на доброе, и водворять гармонию въ чувствахъ и стремленіяхъ воли, умѣряя бойкость кротостію, вялость бодростію, суетность сознаниемъ высшей цѣли: все это заблаговременно, когда душа, въ успеніи страстей, еще сохраняетъ всю цѣлостность свою и воспріимчивость, и спасительные уроки, какъ сѣмя сѣятеля, падаютъ на добрую землю.

Нѣкоторые сомнѣваются въ могуществѣ воспитанія: много страницъ написано о томъ, можетъ-ли воспитаніе сдѣлать насъ лучшими. Фаталисты въ этомъ отношеніи полагаютъ, что все дѣлается само собою. «Нельзя придать ума слабоумному, говорятъ они, а кто родился умепъ, тотъ и безъ насъ будетъ умепъ и хорошъ. Въ Спартѣ, слабыхъ и уродливыхъ дѣтсей лишали жизни.» По этому можно сказать, что тамъ сомнѣвались въ самой природѣ, которая такъ перѣдко, съ помощію времени, исправляетъ самоѣ себя, и слабыхъ дѣлаетъ сильными, въ томъ или другомъ отношеніи. Но сѣ-ли одной должно «дать книги въ руки,» все предоставить, — вотъ вопросъ.

Замѣтимъ только, что ни въ какомъ случаѣ природа не является намъ одна, въ неизмѣненномъ своемъ видѣ: гдѣ бы мы ни были, въ самомъ глухомъ селеніи,

мы живемъ съ людьми; слѣдовательно, общежитіе нѣмѣетъ насъ по своему, и воспитываетъ, потому что воспитаніе, въ обширномъ смыслѣ слова, есть всякое вліяніе людей на насъ, въ хорошую или худую сторону. Въ этомъ смыслѣ всякой воспитанъ какъ-нибудь; время выростило его, а то, что довелось ему случайно видѣть, слышать, испытать — воспитало: гдѣ-жъ природа? Настоящее воспитаніе есть то же вліяніе, но забѣтливо очищенное отъ случайности, проникнутое сознаниемъ цѣли, согласное съ идеями и лучшими преданіями человѣчества: оно должно защитить насъ отъ зла, и развить сѣмяна добра. И такъ, не нужно, кажется, доказывать, что сомнѣнія въ необходимости воспитанія падаютъ не столько на самое воспитаніе, сколько на ту или другую систему его, и имѣютъ дѣлю замѣнить худшую другою, лучшею, а лучшая та, которая наиболѣе согласуется съ откровеніями природы. Въ этомъ смыслѣ, тѣ сомнѣнія благотворны и ведутъ къ двумъ важнымъ заключеніямъ.

1. Искусство *не должно* выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ ему природою, а должно только примѣняться къ ней, ее исправляя, и развивать ее, а не прививать ей чуждое. Не все должно быть искусственно, и условныя отношенія свѣта, личина званія, именитости, личина притворныхъ доблестей да исчезнуть предъ великимъ дѣломъ воспитанія. Богъ создалъ человѣка, люди сдѣлали остальное: воспитайте человѣка, все прочее найдетъ само собою. «Имущему дастся» гласитъ Писаніе.

2. Искусство не всемогуще, и въ предѣлахъ ему назначенныхъ не все отъ него зависитъ: оно *не можетъ* поручиться за вѣрный успѣхъ. Оно имѣетъ предъ собою природу, за собою свѣтъ, т. е. тѣ случаи и приключенія, откуда

терпяется опытъ жизни. Природа, не всегда правая, и лукавый свѣтъ дѣйствуютъ совместно съ воспитаніемъ, но въ разныя стороны. Отсюда трудности неодолимныя: свѣтса доброе, выходитъ иное. Притомъ же судьба играетъ замыслами людей, и обращаетъ въ ничто наилучше обдуманныя начинанія. Воспитанникъ Федеона, свѣтлая надежда Франціи, похищенъ смертію почти въ то самое время, когда ему предстояло явить міру свои доблести, плодъ прекраснаго воспитанія, и можетъ быть спасти отечество отъ страшной тревоги; иногда смерть воспитателя незапно прерываетъ начатое; иногда бываетъ и то: когда желанная цѣль достигнута, и воспитаніе окончано, тогда именно обстоятельства, невольное, слишкомъ долгое бездѣйствіе разстроиваютъ гармонію, о которой заботилось воспитаніе; силы души уруго сжимаются, вскипаютъ пылкія страсти, лучшія обитованія юности измѣняются. Цесарь Юсіѳъ II, Государь просвѣщенный и благонамѣренный, былъ несчастливъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, потому что былъ нетерпимъ, а нетерпиміе его было слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ провелъ онъ четыре-пятыхъ своей жизни: онъ родился въ 1741, вступилъ на престолъ въ 1780 году. Впрочемъ, если воспитаніе имѣетъ свои тернія, то и розы разцвѣтаютъ иногда на цвѣтахъ его. Попеченія Аристотеля не мало участвовали въ прозваніи *Великаго*, которымъ Исторія украсила его витомца, охотно признававшаго это съ своей стороны. Другой философъ, Стоикъ по ученію, Пнеагореецъ въ душѣ, и втайнѣ, какъ кажется, Христіанинъ, Сенека воспиталъ — Перона. Такъ; но Перонъ былъ добродѣтелемъ: пять лѣтъ на престолѣ онъ сѣялъ великодушіемъ и кротостію. «Какъ желалъ бы я не

умѣть писать!» сказалъ онъ съ умилешемъ, подписывая впервые смертный приговоръ. Эти слова и пять лѣтъ добра конечно дѣлаютъ честь тому, кто выучилъ его писать. Изреченіе Платона: «для счастья народовъ надобно, чтобъ Государи были философами или философы Государями» требуетъ очевидно слишкомъ много; но, по крайней мѣрѣ, воспитатели Государей должны бѣть въ самомъ дѣлѣ философы.

Показавъ выше, какъ важно для всѣхъ воспитаніе Государя, скажемъ нѣчто и объ особенной его трудности.

Воспитаніе дается намъ высшими, равными и низшими. Въ обращеніи съ ними, почерпаемъ мы тѣ начала нравственности и благоразумія, которыя даютъ особый характеръ каждому изъ насъ. Для дитяти, высшіе — его родители, или тѣ, которые заступаютъ ему мѣсто родителей; равные — сверстники, дѣти однихъ или близкихъ съ нимъ лѣтъ; низшіе, — позвольте, кого назовемъ здѣсь низшими? Покуда, одни природныя различія возраста могутъ имѣть значеніе въ отношеніи къ нему, а кто же меньше ребенка? Или вы скажете ему, что слуга его, тотъ старичокъ, который недавно еще водилъ его на помочахъ, — ниже его, его низшій, когда все убѣждаетъ его въ противномъ? Боже васъ сохрани! нѣтъ, вы бросили-бъ въ него сами первыя сѣмяна порчи и растлвннн... Однако же правда, что и для него есть, въ царствѣ жизни и разума, приличная ему область, гдѣ онъ вмѣстѣ и повинуется и господствуетъ, а научаясь тому и другому, образуется. Нужды, съ которыми онъ родился въ свѣтъ, служатъ съ одной стороны маятникомъ его воли, съ другой звеномъ, связующимъ его съ міромъ.

вѣнчикъ. «Руки, ноги, и глаза: вотъ наши первые учителя Философіи!» говоритъ Руссо. Скажемъ еще, что нужда есть наставница этихъ учителей. Нужда дѣлаетъ зоркимъ, предпримчивымъ, ко всему способнымъ, сообщаетъ намъ много полезныхъ качествъ. Нужды «наши власти,» по ученію Эпикура; но онѣ должны быть намъ подвластны, однимъ изъ средствъ нашего воспитанія, не только въ дѣтствѣ, но и въ теченіе цѣлой жизни, по правилу «вѣкъ живи, вѣкъ учишься.» Это средство нравственнаго развитія путемъ практическимъ гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе въ бѣдномъ состояніи, нежели въ богатомъ, а для Государя — оно вовсе не существуетъ, потому что нужда ему не знакома. И отъ того ему легче заслужить себѣ имя великаго, щедрого и могучаго, трудяще соблюсти мѣру своихъ желаній и возвысить иногда трудности ихъ исполненія.

Общеніе съ равными есть также сильный рычагъ образованія, необходимый, важнѣе всѣхъ прочихъ. Совѣты, увѣщанія, наставленія старшихъ принимаются слухомъ, сохраняются памятью, но также легко забываются. Дитя, воспитанное этою пищею, подобно харитимъ, испещренной мудрыми словесами: оно будетъ умно и благоправно на-единѣ, безъ усилія, безъ заслуги. Въ обществѣ равныхъ, дитя становится человѣкомъ. Этотъ маленькій человѣкъ познаетъ на дѣлѣ всѣ страсти большихъ: чувства симпатіи и антипатіи, любовь и дружбу, зависть и ненависть. Онъ создаетъ дѣйствія воли своей на волю другихъ, и постигаетъ тайну общежитія — взаимность. Однимъ словомъ, тамъ кругъ бытія его и познанія расширяется въ безконечность: онъ открываетъ новый міръ, и беретъ его въ

свое владычѣ, изучаясь искусству жить въ немъ и съ нимъ уживаться. Всякой легко пойметъ, какъ это искусство ему необходимо, для того чтобы позже дѣйствовать успѣшно на другихъ; но оно не менѣе важно и по возвратному дѣйствию своему на него, для собственнаго его развитія. Безъ того, скажемъ смѣло, воспитаніе было бы неполно и несовершенно. Діодоръ повѣствуетъ, что царь Египетскій, отецъ великаго Сесостриса, велѣлъ воспитать вѣсть съ сыномъ всѣхъ (до двухъ тысячъ младенцевъ), родившихся въ тотъ самый день, когда онъ родился, желая доставить ему такимъ образомъ вѣрныхъ друзей и товарищей; и въ самомъ дѣлѣ, Сесострисъ, придя въ возрастъ, нашелъ себя въ нихъ сподвижниковъ славы, трудовъ и великихъ дѣлъ. Примѣръ единственный, если не мечта Исторіи. Тутъ виденъ Востокъ во всей его силѣ: случай, жребій, часъ рожденія назначаетъ друзей Государю и вождей народу; родись часомъ позже, — и ты не другъ: это похоже на сказку. И однакоже, что лучше жребія? Выборъ? Онъ исполненъ ирака и преткновенія! выборъ нѣкоторыхъ изъ среды народа и во главу ему; выборъ дѣтей для такихъ судебъ, дѣтей, въ которыхъ все загадочно, все измѣняется безпрестанно, и не по днямъ, а по часамъ! Страсти участвующихъ довершаютъ затѣвнѣе. Короче сказать, еслибъ не было важныхъ неудобствъ въ подобномъ выборѣ, то не искали бы мы за предѣлами государства единственнаго друга, супруги своему Повелителю. И такъ, онъ не можетъ имѣть себя равныхъ въ своей державѣ; онъ остается одинокъ, и ежели иногда обращается съ дѣтьми своихъ лѣтъ, то не иначе какъ на правахъ строгаго этикета. Такъ и быть должно.